

ПОДГОТОВКА БССР К МАНЕВРАМ КРАСНОЙ АРМИИ В СЕНТЯБРЕ 1937 г.

Рассматривается подготовка БССР к учениям Белорусского военного округа в сентябре 1937 г. Отмечается, что она осуществлялась в напряженной морально-политической обстановке, обусловленной массовыми политическими репрессиями. Это проявилось в постоянном поиске «врагов народа», которые якобы срывали мероприятия партии и правительства. При этом в расчет не принимались последствия репрессивной политики ВКП(б) в отношении белорусского крестьянства, приведшей к окончательному обнищанию сельских жителей. Анализируется деятельность уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР в районах проведения учений.

The article deals with the preparation of the Belarussian SSR to the maneuvers of the Belarussian Military District in September 1937. It is noted that the preparation was carried out in the intense moral and political environment resulting from mass political repressions. This was manifested in a constant search for “enemies of the people” who allegedly disrupted actions of the party and the government. At the same time not taken into account the effects of the repressive policies of the party against the Belarussian peasantry that led to the final impoverishment of villagers. The activity of the authorized the Central Committee of the CP(b)B in the areas of maneuvers.

Ключевые слова: Белорусский военный округ; маневры; БССР; подготовка района учений; политико-массовая работа; обеспечение продовольствием; благоустройство населенных пунктов; уполномоченные ЦК КП(б)Б; НКВД; политические репрессии.

Keywords: Belarussian Military District; maneuvers; the Byelarusian SSR; district training maneuvers; politicians and mass work; food security; improving human settlements; authorized by the CP(b)B; NKVD; political repression.

В сентябре 1937 г. в БССР прошли крупнейшие в советской истории межвоенного периода маневры войск Белорусского военного округа (БВО). По некоторым данным, в них было задействовано «150 000 человек, более 1000 танков, 800 с лишним орудий, около 700 самолетов, около 7000 автомоторов, 50 с лишним тысяч лошадей» [1, с. 39]. Но как осуществлялась подготовка к таким масштабным учениям? И как на нее повлияли массовые политические репрессии? Об этом и пойдет речь в данной статье.

Лукашэвіч Андрэй Міхайлавіч — прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і найважнейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук. E-mail: lukashevand@mail.ru

Замысел маневров. Проведение «специальных опытных учений» в БВО в 1937 г. предусматривалось приказом наркома обороны СССР «Об итогах боевой подготовки за 1936 год и о задачах на 1937 год» [2, с. 445—455]. Этот документ был выработан в ходе заседаний Военного совета в октябре 1936 г. Точное время проведения маневров должен был определить начальник Генерального штаба РККА.

Первоначально подготовкой к учениям руководили командующий войсками БВО командарм 1-го ранга И. П. Уборевич и штаб округа во главе с комдивом Б. И. Бобровым. Однако фальсификация партийным руководством СССР дела о так называемом «военно-фашистском заговоре в РККА» привела к массовым репрессиям среди военных. В мае — июне 1937 г. были арестованы, а затем расстреляны И. П. Уборевич и Б. И. Бобров [9; 10].

Решение о дате проведения маневров было принято лишь в середине июля 1937 г., поэтому основная подготовка к ним легла на плечи нового командующего войсками округа командарма 1-го ранга И. П. Белова и начальника штаба комдива А. М. Перемытова. План учений, по директивам Генштаба, разработал начальник 1-го (оперативного) отдела штаба округа *Л. М. Сандалов*, выпускник Академии Генерального штаба [7, с. 22, 23].

По замыслу разработчиков (*Л. М. Сандалова*, *А. М. Перемытова*) во время учений планировалось отработать оборонительные и наступательные действия войск с форсированием крупных водных преград, проверить взаимодействие механизированных, кавалерийских, стрелковых частей, а также авиации и десантных подразделений.

Для проведения маневров было выбрано междуречье Березины и Днепра в окрестностях Жлобина и Рогачева. Оно включало несколько районов БССР (по административно-территориальному делению на 1937 г.) [5, л. 1—45]. Подготовка этого региона к войсковым учениям была возложена на партийное и советское руководство БССР, и проходила она в условиях массовых политических репрессий.

Организация подготовки. Практическая подготовка к маневрам началась в августе 1937 г. Директивой ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 22 августа 1937 г. определялось, что маневры частей БВО имеют «огромное политическое значение» [5, л. 26].

Согласно постановлению ЦК КП(б)Б от 27 августа 1937 г. всем руководителям партийных, советских и других органов предписывалось «положить в основу партийно-политической и массовой работы среди ра-

бочих, колхозников и всех трудящихся выполнение задач, вытекающих из указаний товарища Сталина о капиталистическом окружении, разъясняя массам и бороться за успешное выполнение решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2-го августа 1937 года» [5, л. 26, 27].

30 августа в ЦК КП(б)Б состоялось совещание [4, л. 1—77], на котором рассматривалась ситуация в районах маневров. По его итогам ЦК КП(б)Б и СНК БССР решили командировать в наиболее проблемные регионы своих специальных уполномоченных. В частности, в Буда-Кошелевский район назначался *Перочинский* [5, л. 1—4], Пропойский — *Бражинский* [5, л. 6—9], Чечерский — *Качуров* [5, л. 10—16 об.], Паричский — *Матусевич* [5, л. 17—17 об., 37—37 об.], Жлобинский — инструктор сельхозотдела ЦК КП(б)Б *Лахман* [5, л. 20—23, 26—35, 44, 45], в Уваровичский — *Семенов* [5, л. 24, 25]. Все они получили широкие полномочия, в том числе по выявлению «враждебных элементов».

В задачи уполномоченных входили: контроль за полит- и культмассовой работой, за благоустройством населенных пунктов и обеспечением районов продовольствием, а также «разоблачение классово чуждых элементов». В «подшефные» районы уполномоченные прибыли 3 сентября [5, л. 24]. Обо всех своих действиях и о подготовке в районах к предстоящим учениям они регулярно докладывали третьему секретарю ЦК КП(б)Б *В. Д. Потапейко* [5, л. 1—17 об.] и исполняющему обязанности второго секретаря ЦК КП(б)Б *А. М. Левицкому* [5, л. 20—45], которые осуществляли общее руководство. Это были новые руководители компартии. И если *В. Д. Потапейко*, избранный секретарем ЦК КП(б)Б 20 июня 1937 г., был представителем местных партийных кадров (в 1935—1937 гг. возглавлял Житковичский райком партии), то 33-летний *А. М. Левицкий* являлся выдвигенцем «центра» и был прислан 11 августа из Москвы для борьбы с «национал-фашизмом» в БССР. И оба они, сменяя друг друга, являлись членами «тройки» НКВД по БССР, выносившей смертные приговоры тысячам граждан республики.

Политико-массовые мероприятия. Развертывание политмассовой работы в большинстве районов началось в первых числах сентября [5, л. 17]. Ранее в колхозах и сельсоветах на предстоящие маневры практически не обращали внимания, поскольку решение ЦК КП(б)Б от 27 августа 1937 г. в районах было получено с большим опозданием (в Жлобине — только 8 сентября) [5, л. 29].

В ходе предварительной проверки уполномоченными было установлено, что многие крестьяне не знали «не только политических меро-

приятий вокруг маневров, но даже по целому ряду о выборах в Верховный Совет СССР (колхозы «Ворошилова» и «Ленинец», Гайшинский сельсовет Пропойского района). Причину такого явления уполномоченный Бражинский видел в полнейшей бездеятельности парторгов, которые в этих колхозах «носили только звания, а никакой работы не проводили» [5, л. 6]. И это неудивительно, поскольку крестьян больше волновали вопросы наделения их приусадебными участками, а здесь были «многочисленные искажения» [5, л. 6]. Поэтому среди колхозников и единоличников были проведены беседы и собрания (Чечерский район) [5, л. 15], а 14 сентября — повторный политдень «по проработке решения партии и правительства о помощи белорусскому крестьянству» и ликвидации последствий вредительства. На собраниях также сообщалось, сколько и какого леса передано колхозам.

На популяризацию решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 августа 1937 г. (в районах было напечатано по 500 экземпляров для вывешивания на хатах [5, л. 14, 16]), «поднятие революционной бдительности трудящихся» и очистку «от враждебных контрреволюционных элементов» были направлены заседания в Жлобинском районе [5, л. 29]. А в Паричском районе организовали работу по разъяснению Положения о выборах в Верховный Совет, так как в колхозах не знали «о выборе тов. Сталина» и об отмене хлебозакупок [5, л. 17 об.].

Прибытие уполномоченных из Минска совпало с периодом массовых сельскохозяйственных работ: уборки урожая и сева озимых. Лучше всего обстояли дела в Пропойском районе, где к 10 сентября было сдано государству 99,8 % зерна от плана и приняты меры к окончанию сева [5, л. 6]. В то же время большинство районов отставали от выполнения плана озимого сева. Так, в Пропойском районе к 5 сентября было посеяно 53,4 % [5, л. 13]. «В глубоком прорыве по осеннему севу, по хлебопоставкам» находился и Уваровичский район. Это объяснялось тем, что еще не всем колхозникам нарезали усадебные участки, а поэтому не было «прилива единоличников в колхозы» [5, л. 24 об. — 25].

Хуже всего дело с севом озимых обстояло в Жлобинском районе: к 1 сентября план был выполнен на 15 %, а к 5 сентября — на 59 % [5, л. 21]. Поэтому уполномоченный Лахман 3 сентября на совещании председателей колхозов и сельсоветов заметил, что «настроение у большинства присутствующих было вредное, антигосударственное». «Многие выступали и пытались объяснить кулацко-враждебное сопротивление севу якобы отсутствием тракторов, плохой погодой, недостатчей тягла и дру-

гими причинами», — сообщал он в Минск [5, л. 20]. При этом повсеместно наблюдались «расхлябанность, пьянство, недисциплинированность и потворство враждебным элементам» со стороны руководства колхозов и района [5, л. 21].

На этом же заседании был «разоблачен» председатель колхоза «Дружба» (Радушский сельсовет) *Яков Дятлов*, «бывший кулак, сознательно саботировавший озимый сев». По словам Лахмана, «этот кулацкий проходимец расхищал колхозное добро и терроризировал колхозников», за что был снят с должности и предан суду. В систематическом расхищении «колхозного добра» был обвинен и председатель колхоза «VII Съезд Советов» (Казимировский сельсовет) *Сергеев*. Чтобы сорвать сев, он «привез из Бобруйска несколько бутылок денатурата и споил колхозников». В результате в течение двух суток «никто не выходил на работу». В итоге «этот вредитель также отстранен от работы и предан суду». Однако и его преемник в должности, *Равич*, оказался не лучше: он оставил колхоз без семян. На собрании колхозников Лахман разоблачил «вражеские подрывные действия Равича», после чего в течение двух дней колхозники на основе соцсоревнования решили «дружно закончить сев» [5, л. 20]. Не удовлетворила Лахмана и работа председателя колхоза «Коминтер» (Четвернянский сельсовет) *Устина Демиденко*, который призывал колхозников «с севом озимых не торопиться». Когда ему запретили устраивать в колхозе выходной для поездки в Минск, Демиденко ответил: «Я не арестант, куда захочу, туда и поеду». Он же продал единоличникам 30 га сенокоса за 4000 р. Поэтому на собрании колхозников Лахман «разоблачил» председателя, который «За кулацкий саботаж сева, спекуляцию колхозной землей и антисоветскую агитацию» был отстранен от работы и предан суду. Для оказания помощи в завершении озимого сева из соседнего колхоза имени Куйбышева в «Коминтер» выслали «буксирную бригаду из пяти человек лучших стахановцев и ударников» [5, л. 20, 21]. В целом, как отмечал Лахман, в Жлобинском районе «работа по разоблачению враждебно-кулацкого сопротивления севу» в парторганизациях почти не проводилась. Партактив выезжал в колхозы и сельсоветы «в виде прогулок» и за свою работу перед райкомом партии не отчитывался. При этом коммунисты возвращались в райцентр когда хотели. Некоторые председатели колхозов уезжали из колхозов неизвестно куда и зачем, а «райком КП(б)Б самоустранился от этой важнейшей хозяйственно-политической работы». Поэтому «озимый сев был пущен, по сути дела, на самотек, а враги тем временем проводили свою

гнусную подрывную работу в колхозах». В итоге пришлось мобилизовать всю парторганизацию района для завершения сева к 8 сентября. Главным виновником провала в районе Лахман считал *С. К. Мирончика* — бывшего второго секретаря РК КП(б)Б, «разоблаченного днями органами НКВД как враг народа». Именно он «скрыл от парторганизации колхозов стражайшее указание секретаря ЦК КП(б)Б т. Волкова на радиоперекличке по вопросу сева» [5, л. 21].

13 сентября для «устранения имеющихся недостатков» было проведено заседание бюро Жлобинского РК КП(б)Б. Кроме постоянных уполномоченных по сельсоветам в каждый населенный пункт, где будут сосредоточены воинские части, назначались коммунисты «для проведения всей работы в связи с маневрами». Было решено также списать с колхозников долги и упорядочить учет их трудовней (со своевременной записью в трудовые книжки) [5, л. 14, 15].

Партийно-политической подготовкой к маневрам не занимались и на железнодорожной станции Жлобин. Политотдел ограничился проведением совещания коммунистов и командиров транспорта по вопросу увеличения грузопотока. Начальник политотдела *Бортников* объяснял это тем, что не было указаний от руководства Белорусской железной дороги. И только утром 8 сентября на совещании в Гомеле политотделы обязали проводить массовые политические мероприятия [5, л. 26].

В целом уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР сконцентрировались на проведении организационных мероприятий: заседаний бюро, президиумов и партийных собраний [5, л. 1]. После этого райкомы высылали своих уполномоченных по сельсоветам и колхозам (от 50 до 130 человек) для подготовки населения к встрече Красной армии. В наиболее «тяжелые», т. е. проблемные, сельсоветы направлялись партийные функционеры, командированные из ЦК КП(б)Б [5, л. 17 об.]. Так, в Кульшицкий сельсовет выехал *Карпусенко*, в Иванищевский и Ржавский — еще два коммуниста (все — Пропойский район) [5, л. 6], в Холлоцкий и Меркуловский сельсоветы (Чечерский район) — *Зуенчек* и *Александров* [5, л. 11], в Сеножатский и Казимировский (Жлобинский район) — *Шкор* и *Жуков* [5, л. 22].

«Значительно веселее жить»: благоустройство населенных пунктов. Для организации порядка в населенных пунктах во время учений назначались *коменданты* сельсоветов и поселений. Их задачи обсуждались на специальных совещаниях, которые состоялись 8 (Буда-Кошелевский и Пропойский районы [5, л. 8]) и 9 сентября (Чечерский район) [5, л. 11].

Для проведения политдня в райцентры для инструктажа вызывались председатели сельских Советов и партторги. В Чечерском районе состоялось совещание директоров школ по вопросу о работе среди детей во время маневров. Рекомендовалось не допускать, чтобы дети бегали по улицам, цеплялись за машины и т. д. Для этого планировалось задействовать учителей [5, л. 9]. Уполномоченный по Пропойскому району Бражинский вместе с секретарем райкома *С. И. Фельдманом* объехали некоторые школы и колхозы и провели инструктаж на месте [5, л. 8].

Для демонстрации *белорусской деревни в благопристойном виде* в населенных пунктах проводились косметические ремонты, которые сводились к очистке и ремонту домов колхозников. Наибольший энтузиазм наблюдался в Пропойском районе. Так, в Васьевском сельсовете было приведено в порядок 550 из 619 изб, в Ржавском — 600 из 720. В Рагинском, Черняковском, Иванищевском, Гайшинском, Кульшицком сельсоветах в порядок привели правления колхозов и даже избы-читальни и клубы, находившиеся до 1 сентября «в ужасном состоянии» [5, л. 7]. Но, как отмечал уполномоченный Бражинский, для окончания этих работ нужны финансовые средства, которые району не выделялись [5, л. 9].

В районных центрах в порядок приводились дома, магазины, заборы, мостовые, электроосвещение [5, л. 1]. Так, в Пропойске все деревья были огорожены, улицы освобождены «от хлама, целого множества ненужных столбов, дороги в большинстве своем приведены в порядок» [5, л. 7]. Специально приглашенные из Минска художники составляли планы художественного оформления райцентров [5, л. 1, 7]. При этом особое значение придавалось украшению их транспарантами и лозунгами. Так, к 12 сентября в Пропойском районе все лозунги были развешаны. Правда, не обошлось без казуса: «в транспаранте было искажено имя и отчество товарища ЕЖОВА» [5, л. 7]. Вероятно, это было сделано неслучайно, поскольку имя руководителя НКВД в это время вызывало у многих ненависть.

В Чечерском районе к украшению населенных пунктов силами школьников приступили 4—5 сентября [5, л. 10]. При этом повсеместно наблюдалась нехватка «красной материи на флаги и лозунги» [5, л. 13]. Впрочем, прошедшие дожди с сильными ветрами сорвали лозунги, и повторное украшение было завершено к 18 сентября [5, л. 14, 15]. В целом колхозы Чечерского района закупают по 100—200 портретов «вождей партии и правительства». И это в то время, когда на селе повсеместно ощущалась нехватка основных продуктов питания и товаров шир-

потреба. Так, в д. Холочи, на шоссе Гомель — Рогачев, были установлены «два больших портрета тов. Сталина и тов. Ворошилова размером 4 × 35 м», в Меркуловичах сделана арка. На ней также установили два больших портрета. Подобные арки сооружались в каждом колхозе, а портреты вождей партии вывешивались «почти на каждой хате» [5, л. 16].

Значительное внимание местные власти уделяли *состоянию колодцев*, большинство которых до подготовки к маневрам пришло в негодность. Так, в Буда-Кошелевском районе к 5 сентября было отремонтировано и приведено в исправность 250 из 317 колодцев и построено 10 новых. Остальные колодцы отремонтировали несколько позже [5, л. 1]. В Пропойском районе по шести сельсоветам отремонтировали и углубили 441 из 444 колодцев [5, л. 7, 8], в Чечерском — выкопали семь новых колодцев и взяли 56 проб воды для анализов [5, л. 12]. А в д. Щедрино (Паричский район) все колодцы заранее были очищены, обгорожены и к ним приделаны крышки [5, л. 17].

Усилия белорусских властей не остались незамеченными. Как отмечал корреспондент газеты «Правда» П. Павленко, «деревни, села и города весело принарядились» для встречи войск и наркома. «Серые избы засияли голубой и желтой краской, — отмечал журналист. — Чисто выбеленные известью изгороди сразу придали деревням очень франтовый вид, вокруг деревьев на улицах выросли штакетные загородочки. Колодцы получили новые журавли и срубы, закрывающиеся крышкой. У колодцев стала охрана» [6]. Особо впечатлило московского гостя состояние Жлобина. «Небольшой городок Ж. (Жлобин. — А. Л.) благодаря... мерам гигиены и порядка стал похож на курортный, — отмечал П. Павленко. — Густая зелень его садов, коряво огороженных старыми жердями, как бы раскрылась за чистым штакетником. На улицах, посыпанных желтым песком, стало веселее гулять. Некоторые, увидевшие городок в новом виде, уже красят яркой краской и сараи за домами, и службы, потому что оказалось — так как-то *значительно веселее жить*» [6].

Обеспечение районов товарами и продовольствием. Одним из недостатков в подготовке районов к маневрам была плохая работа потребительской кооперации. Неудивительно, что она вызывала «справедливые нарекания со стороны колхозников». Как сообщал уполномоченный Перочинский, в Буда-Кошелевском районе отсутствовали такие важнейшие товары, как мел для побелки квартир, обои, блокноты, карандаши, питьевая сода, керосин. При нехватке этих товаров отдельные сельпо и их приказчики «издевательски» относились к колхозникам. Так, в кол-

хозе Энгельса (Губичевский сельсовет) крестьяне жаловались на плохую работу приказчика *Ляхова*. При проверке оказалось, что Ляхов — бывший колхозник, исключенный «за ведение разлагательной работы». Он устроился в центральную лавку сельпо и «издевается над колхозниками, не отпуская им товаров». Справедливые нарекания были и в отношении сельмага того же сельпо. Поэтому колхозники практически не могли приобрести в нем товары [5, л. 2].

Плохо обстояло дело с завозом промтоваров в сельскую кооперацию в Жлобинском районе. «Мануфактура и обувь завозится почему-то по плану только в раймаг (Жлобин) и в два сельмага, а остальные 47 торговых точек на протяжении ряда лет не получают этих товаров, — констатировал уполномоченный Лахман [5, л. 23]. — В районе имеются папиросы только в цены 35 коп. и по 6 р. 50 коп. пачка. Других сортов нет. Чулки и носки совершенно отсутствуют. Сливочного масла, голландского сыра, колбасы и сельдей — нет». Поэтому Лахман просил срочного вмешательства в эти вопросы А. М. Левицкого [5, л. 23].

Только к 18 сентября имеющиеся на складах товары были завезены в сельмаги и ларьки Чечерского района [5, л. 16 об.]. В некоторых районах БССР предполагалось создание больших *армейских складов продовольствия*, при наполнении которых возникли проблемы. В частности, в *Меркуловичах* (Чечерский район) были подготовлены мясной (завезено 150 голов скота), овощной (на 10 сентября не хватало 1 т лука), дровяной и сеной склады [5, л. 12]. Там же открыли «чайную-закусочную» и книжный ларек [5, л. 16 об.]. Для улучшения качества пищи и культурного обслуживания красноармейцев было проведено совещание работников чечерской столовой [5, л. 10, 11].

Однако сроки завоза продуктов для красноармейцев срывались [5, л. 17]. Так, в *Жлобин* к 5 сентября завезли только 1671 из 2100 ц мяса. Не отгрузили запасов в *Дамановичи* (209 ц), *Наровлю* (54 ц), *Лельчицы* (202 ц). Сена заготовили только 1145 т, а недостающие 239 т ожидали из Западной области [5, л. 23]. И в этом вопросе Лахман просил содействия у А. М. Левицкого [5, л. 23].

В некоторых районах в связи с подготовкой к маневрам появились нежелательные для властей слухи. Так, в Майском и Папоротнянском сельсоветах Жлобинского района говорили, что «теперь якобы не маневры проводятся, а начинается война Советского Союза с Польшей». В связи с этим «отсталая часть населения в панике, запасается солью в большом количестве» [5, л. 30]. Так, за август 1936 г. в Жлобинском рай-

оне кооперацией было продано 106,5 т соли, а в августе 1937 г. — 185,5 т, в сентябре 1936 г. — 112,5 т, а за пять дней сентября 1937 г. — 60 т. В Красно-Бережском сельсовете один единоличник купил сразу два центнера соли; а единоличники Апанас Дегтяров и Григорий Байдалов из д. Черная-Вирня Бабовского сельсовета — по шесть пудов каждый [5, л. 23].

«**Разоблачение классово чуждых элементов**». Наряду с политмассовой работой наибольшее внимание уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР уделяли выявлению и «разоблачению классово чуждых элементов». В условиях, когда в стране развернулись массовые репрессии, людей зачисляли в список «врагов народа» по малейшему поводу. Причем обычные пороки советской действительности — халатность, воровство, некомпетентность должностных лиц, за которые полагалась административная или уголовная ответственность, трактовались уполномоченными как «политические преступления» («вредительство», «подрывная деятельность», «диверсии»), за которые назначалась смертная казнь. Так, в Пропойском районе к 12 сентября в колхозах и сельсоветах «по линии НКВД» было «изъято» около 150 человек «политически неблагонадежных лиц» [5, л. 9]. Все они были репрессированы.

Большинство злоупотреблений носило *хозяйственный характер*, за что были сняты многие председатели колхозов и сельсоветов и члены их правлений. Так, в колхозах «Завет Ильича» и «Сталинский призыв» (Кульшицкий сельсовет) отстранили от должностей 13 человек, в Иваницевицком — четыре, в Лапатицком — шесть. Среди «вражеских элементов» оказались: председатель колхоза «Коммунар» *Якушенко* («бывший офицер белой армии») и счетовод — «дочь попа», которая «развалила всю учетную работу». Кульшицкий сельсовет характеризовался уполномоченным Бражнским как состоящий в большинстве «из бывших бандитов, кулаков, репрессированных, осужденных» [5, л. 9]. Аресту также подвергся председатель колхоза «Ясный прамень» (Добровский сельсовет) Паричского района за «развал» хозяйства [5, л. 17 об.].

Серьезные проблемы в борьбе «с последствиями вредительства в колхозном строительстве» наблюдались в Уваровичском районе, поэтому аресту подвергся директор совхоза «Коммунар» *Куликов* — бывший секретарь Чаусского РК КП(б)Б, имевший родственников в Польше. Были также арестованы «польский шпион» *Кучинский* и работавший с ним заведующий райфо *Переход*. Последний дважды исключался из партии «за искажение линии», а впоследствии «вредительски» начислял налоги и проводил их массовые изъятия [5, л. 25].

Уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР Семенов обнаружил «орудующих врагов» и в колхозе «Пробуждение» (Сталинский сельсовет). Оказалось, что «за непродолжительное время продано 12 коней», а один конь «неизвестно кем заколот вилами». При этом на работу в колхозе из 67 женщин выходят всего 16—17. А для уборки льна и сена коммунист *Старовойтов* нанимал «одноособников» [5, л. 24 об.].

По мнению уполномоченного Семенова, все это было следствием действий бывшего секретаря райкома *С. Н. Фридмана* — «неразоружившегося троцкиста», исключенного из партии 19 августа 1937 г. Парторганизация же, «имея сигналы о его троцкистской деятельности, не вскрыла этого врага». Ничего не делалось в районе и «по очистке сельсоветов и колхозов от враждебных элементов», а партийная дисциплина была «слабая», и только сейчас «начали выкрывать прихвостней Фридмана, и то недостаточно решительно» [5, л. 25].

Иногда к числу «врагов народа» причисляли даже *обычных калек-прошак или «сектантов»*. В основном это были инвалиды, которые перемещались из района в район в поисках милостыни. Так, в Науховском сельсовете Чечерского района сотрудники НКВД арестовали «какого-то полунемого», а в Ново-Зареченском сельсовете разыскивали «завезенного из Гомеля для контрреволюционной работы» инвалида «сектанта» (без обеих ног). Но ему удалось скрыться на территории другого района. Все это, по мнению уполномоченного Качурова, свидетельствовало о недостаточной работе среди населения [5, л. 12, 13].

А в д. Галкавка (Старобелицкий сельсовет) Уваровичского района «открыто орудовали сектанты», которыми якобы руководили «бывшие жандармы и белогвардейцы». При этом начальник районного НКВД заявил, что он знает об их деятельности, но пока не планирует ничего предпринимать, «т. к. там дело более серьезное» [5, л. 24 об.].

Очень часто арестам подвергались колхозники или единоличники, которые выказывали *недовольство политикой советской власти*. Все это трактовалось как «нездоровые явления», которые наблюдались во всех районах БССР. Например, во время собрания в д. Успашье (Стенский сельсовет) Паричского района, на котором сообщалось «о потоплении фашистами советского парохода», к докладу отнеслись с молчанием. Уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР Матусевич объяснял это тем, что в деревне «много высланных кулаков и других политически неблагонадежных элементов, имеющих связи с Польшей», и отсутствием разъяснительной работы [5, л. 17].

А в д. Малиновск (Щедринский сельсовет) уполномоченный обнаружил засилье «польского» населения. Матусевич констатировал, что «в каждом дворе имеют родственников, удравших в час оккупации в Польшу». Когда районное отделение НКВД частично «изъяло таких лиц», оставшиеся на свободе члены семей распространяли слухи «о невинности» задержанных и о том, что «скоро всех арестуют». Во время отправки арестованных из местечка Паричи возле здания НКВД собрались их жены и подняли шум и плач, поэтому Матусевич сделал замечание начальнику райотдела НКВД, и вскоре практика отправки арестантов днем была прекращена [5, л. 17—17 об.].

«Враги» действовали и в д. Красная Дубрава (Телешовский сельсовет) Уваровичского района, где было обрезано «три пролета провода, проведенного красноармейцами-связистами». И хотя дело передали в НКВД, однако оно продвигалось «медленно» [5, л. 24 об.].

«Масштабнее» всего «зачистка» была произведена в Жлобинском районе. Только за четыре дня сентября, по данным Лахмана, было «разоблачено и изъято органами НКВД 150 человек разной к.-р. (контрреволюционной. — А. Л.) фашистской падали». При этом «наиболее крупные террористические к.-р. национал-фашистские группы» вскрыты в Сеножатском, Казимировском сельсоветах и в Жлобине [5, л. 22].

Как сообщал 3 сентября 1937 г. секретарь Жлобинского РК КП(б)Б В. Е. Чернышев и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А. А. Волкову, в районе было обнаружено отравление двух колодцев. Так, в д. Мормоль больные дизентерией колхозники *Семен Иванович Говор* и его жена *Просковья Ивановна Пекурина* бросили в колодец чугуна, «в котором находились их мокроты». После ареста они сознались, что сделали это «с целью заражения колодца». А в д. Белица (Луковский сельсовет) вернувшийся из ссылки *Илья Ильин* вылил в колодец керосин. Он также был арестован «органами НКВД» [5, л. 18]. Жлобинский РК КП(б)Б направил в деревни Мормоль и Белица членов своего бюро «для проведения массовой работы и разоблачения их контрреволюционной деятельности». В целях «мобилизации колхозников и трудящихся на повышение бдительности» об отравлении колодцев было рассказано на совещаниях уполномоченных райкома и комендантов населенных пунктов. Были приняты меры по охране колодцев, выделению дежурных на время маневров. Райком КП(б)Б также просил ускорить «посылку выездной коллегии Верховсуда для организации судебного процесса над всей этой группой диверсантов в ближайшие дни до начала маневров» [5, л. 18].

Мнение В. Е. Чернышева об «исключительной засоренности» Жлобинского района «антисоветскими элементами» поддержал и уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР Лахман. Поэтому за август и восемь дней сентября 1937 г. сотрудниками НКВД было «разоблачено и изъято около 300 человек “врагов народа”» [5, л. 29].

Как отмечал уполномоченный, «наряду с подрывной деятельностью антисоветские элементы пытаются, а кое-где и проводят свою провокационную вражескую работу среди населения». Так, 5 сентября в Верхне-Албянском сельсовете сотрудники НКВД «при попытке к бегству» убили «главаря к.-р. террористической банды» *Купрея Лопатина* [5, л. 22].

В некоторых сельсоветах, где были произведены аресты, «враги» стали распускать слухи, что «НКВД сейчас арестовывает всех, кто был под судом или привлекался к ответственности за малейшие проступки в прошлом» [5, л. 29]. После этого «все ранее судимые перешли на нелегальное положение»: «дома не ночуют, прячутся по соседним домам, на чердаках и в амбарах». Вместе с ними скрывались 14 человек «антисоветских элементов», которых следовало «изъять» [5, л. 29].

Все эти факты, по мнению Лахмана, свидетельствовали о «неудовлетворительном состоянии партийно-политической работы среди трудящихся района и недостаточной еще разоблачительной работе, проводимой парторганизацией на местах» [5, л. 30].

Еще большие «разоблачения» были проведены на *железнодорожной станции Жлобин*. По данным Лахмана, за несколько дней органами НКВД на железнодорожном транспорте было выявлено «29 шпииков, диверсантов и троцкистов». А в депо станции «притаился и вел свою гнусную фашистскую работу... резидент польской разведки — *Граховский*». По словам Лахмана, «этот бандит в 1920 г. занимался шпионажем, а в последующие годы проводил вредительскую работу на транспорте и вербовал антисоветски настроенных лиц польской национальности в шпионско-диверсионную повстанческую фашистскую организацию» [5, л. 22]. Обвинения выдвигались и против начальника отделения тяги станции *Христовича*, ранее исключенного из партии. По мнению Лахмана, он «окружил себя враждебными антисоветскими элементами» и его «необходимо убрать из транспорта» [5, л. 22].

Многочисленные случаи «вредительства» были выявлены и на других станциях железной дороги. В целом же путевое хозяйство от Жлобина до Гомеля, Могилева и Осиповичей находилось «в угрожающем состоянии» [5, л. 27, 28]. Лахман пришел к выводу, что очень слабую

работу проводит начальник политотдела Жлобинского отделения железной дороги Бортников. Уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР просил А. М. Левицкого «командировать одного человека из центрального партактива на ст. Жлобин для помощи в работе политотдела» и воздействовать «на руководство Белорусской дороги» [5, л. 28].

В подтверждение опасений Лахмана 13 сентября в 5 ч 30 мин на станции Жлобин произошло чрезвычайное происшествие — крушение воинского эшелона. В результате пострадало 40 человек, из них 30 получили легкие ушибы, восемь — легко ранены, у двоих были травмы средней тяжести, не опасные для жизни. Причиной аварии послужил «человеческий фактор» — халатные действия молодого железнодорожника, который перевел стрелку не на тот путь. Однако данному происшествию придали политическую окраску. Сотрудники НКВД арестовали десять человек [5, л. 32]. В результате выяснилось, что «на станции Жлобин с осени 1936 г. орудовала террористическая диверсионно-троцкистская к.-р. группа, которая и совершила этот фашистский акт». В ее состав вошли: *майор Ефимов*, бывший военный комендант станции — «белогвардеец» и «польский шпик»; составитель поездов *Иван Минович Парашенко*, который якобы «подготовил крушение воинского эшелона с целью убить красноармейцев»; младший стрелочник *Павел Орехов*, названный «злостным аварийщиком». Последний якобы сознался, что ему «было предложено нач. станции *Тимариным* перевести стрелку на 15-й путь (занятый) с целью аварии воинского эшелона» [5, л. 32—32 об.].

К участию в «диверсионном акте» сотрудники НКВД также приобщили бывшего парторга станции Жлобин *Гусева*, приговоренного в мае 1937 г. к пяти годам за «к.-р. троцкистскую агитацию и подрывную работу на транспорте». В целом Лахман считал, что «Жлобинский узел и поныне еще засорен темными, социально опасными и др. вражескими элементами» и на нем необходимо навести «порядок» [5, л. 32 об.].

«Хлеба и зрелищ»: культмассовая работа во время учений. Тактические учения войск БВО начались 21 сентября 1937 г. и продолжались четыре дня. Они вызвали оживленный интерес со стороны населения республики. Как сообщал уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР по Жлобинскому району Лахман, «во всех населенных пунктах колхозники и трудящиеся единоличники исключительно тепло и радостно, с небывалым подъемом, по-праздничному одетые, с красными флагами, с гармониями, приветственными лозунгами, пением и танцами встречают воинские части». «Особенно дружно» встречали и провожали крас-

ноармейцев в Стрешинском, Радушском, Малевичском, Затонском сельсоветах [5, л. 33]. Прибытие воинских частей превращалось «в грандиозный праздник трудящихся не только данной местности, но и окружающих колхозов». Во всех селах, где останавливались военные, они, по словам Лахмана, «разворачивали культурно-массовую политическую работу». В колхозах командно-политический состав Красной армии проводил собрания колхозников с участием красноармейцев. На них звучали доклады о международном и внутреннем положении СССР, проводились беседы, лекции, громкие читки газет, организовывались радио, звуковое кино, танцы и игры [5, л. 33]. Особой популярностью у белорусских крестьян пользовалось звуковое кино: красноармейцы только за два дня организовали 26 таких сеансов [5, л. 33].

Правда, не всегда красноармейцы несли в крестьянский быт радость. Случались и несчастья, в основном из-за неосторожного обращения с оружием или пьянства. Так, в полдень 21 сентября в д. Цупер (Майский сельсовет) от сигнальной ракеты, выпущенной в воздух, случайно загорелся дом одного колхозника. Огонь перебрался на другие постройки, и три из них сгорели. При активной помощи красноармейцев пожар был быстро ликвидирован, и обошлось без человеческих жертв. Пострадавшим колхозникам местные власти оказали помощь: отпустили страховку и продукты, завезли промтовары, выделили лес и стройматериалы. По распоряжению командования саперная часть незамедлительно приступила к строительству трех новых домов для пострадавших [5, л. 34]. А в ночь на 18 сентября, за три дня до начала маневров, в м. Стрешино (колхоз «1 Мая») произошло и вовсе вопиющее событие: нетрезвые колхозник *Рогов* и лейтенант *Гузов* шли по улице, и на них наскочила грузовая автомашина. В результате наезда Рогов погиб на месте, а Гузов получил перелом левой лопатки [5, л. 34].

Во время маневров были также зафиксированы случаи «враждебных контрреволюционных диверсионных вылазок» — отравлений колодцев. Так, 22 сентября в колхозе «16-летие РККА» (Пиревичский сельсовет) Жлобинского района *Настя Шербакова* «отравила колодец карболовой». Эта женщина и ее «соучастники» были арестованы. А 23 сентября керосином кто-то отравил один из колодцев в Жлобине [5, л. 35]. Кроме того, в ночь на 23 сентября в колхозе «Вольная праца» (Радушский сельсовет) Жлобинского района возник пожар. В результате сгорело две постройки, хотя и обошлось без человеческих жертв. Пострадавшим была оказана помощь. К выяснению причин пожара приступили со-

трудники НКВД, которые подозревали поджог [5, л. 35]. В завершение маневров в районе Довска состоялся грандиозный парад, на котором присутствовали делегаты от многих населенных пунктов БССР [3].

Судьба организаторов. Судьба многих участников маневров после окончания была трагичной. Это касалось как военных [10; 11], так и гражданских лиц. Одной из первых жертв стал В. Д. Потапейко. Уже 25 октября 1937 г. на партийном пленуме он был освобожден от должности третьего секретаря ЦК КП(б)Б и выведен из состава бюро. Опального партработника назначили управляющим по делам искусств при СНК БССР. Проработал В. Д. Потапейко в этом качестве до 11 августа 1938 г., когда был арестован. 29 мая 1940 г. его приговорили к 15 годам лагерей. 14 декабря 1941 г. он умер в Саратовской тюрьме.

Что касается А. М. Левицкого, то после назначения в Минск П. К. Пономаренко, избранного первым секретарем ЦК КП(б)Б, тот постарался избавиться от «скомпрометировавшего» себя второго секретаря, причем теми же методами. На основании «показаний» арестованных В. Д. Потапейко, секретаря парткома Академии наук БССР Иванищенко и поэта А. И. Александровича А. М. Левицкий был обвинен в принадлежности к «банде» заговорщиков. Поэтому в письме от 17 июля 1938 г. секретарю ЦК ВКП(б)Б А. А. Андрееву П. К. Пономаренко предлагал его арестовать. «Считаю необходимым арест Левицкого и доставку после необходимой обработки его в Москве в распоряжение НКВД БССР», — говорилось в письме [8, с. 28—30]. Впрочем, в Москве посчитали иначе и А. М. Левицкого отправили на учебу в Сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. Впоследствии он занимал второстепенные партийные и хозяйственные должности, умер в 1964 г.

Что касается уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР, причастных к арестам сотен граждан республики, то судьба каждого из них может быть темой отдельного исследования.

Выводы. Маневры войск БВО в сентябре 1937 г. готовились в напряженной морально-политической обстановке, обусловленной массовыми политическими репрессиями. Это проявилось в постоянном поиске «врагов народа» — «шпионов, диверсантов, вредителей», которые якобы срывали мероприятия партии и правительства. При этом в расчет не принимались последствия репрессивной политики ВКП(б) в отношении крестьянства, приведшей к окончательному обнищанию сельских жителей. В районах остро ощущалась нехватка продуктов пита-

ния и товаров широкого потребления, что вызывало справедливое недовольство населения, поэтому ЦК КП(б)Б и СНК БССР постарались взять ситуацию под контроль в районах проведения учения за счет отправки специальных уполномоченных. Им были предоставлены широчайшие права, особенно в вопросах ликвидации «врагов народа», что привело к очередной волне репрессий. В ходе «зачистки» районов маневров было «изъято» (отстранено от должностей и арестовано) около тысячи человек. А уже через месяц после окончания учений начались аресты многих лиц, ответственных за подготовку БССР к этим масштабным маневрам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. : док. и материалы. М. : РОССПЭН, 2006.
2. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. : док. и материалы. М. : РОССПЭН, 2009.
3. *Король Б., Алексеев А.* Парад войск Белорусского военного округа // Красная звезда. 1937. 27 сент. С. 1.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12014 — Стенограмма совещания [при ЦК КП(б)Б] от 30 августа 1937 г. о политическом положении в районах в связи с подготовкой к маневрам частей БВО.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12112 — Информация о ходе подготовки к маневрам в Красной армии по районам Белоруссии. 1937.
6. *Павленко П.* Поле сражения // Правда. 1937. 25 сент. С. 1.
7. *Сандалов Л. М.* Пережитое. М. : Воениздат, 1961.
8. *Селеменев В., Шимолин В.* Партия и НКВД в 1938 году // Репрессивная политика советской власти в Беларуси : сб. науч. работ / сост.: И. Кузнецов, Я. Басин ; науч. ред. В. П. Андреев. Вып. 3. Минск, 2007. С. 28—44.
9. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. М. : ТЕРРА, 1998.
10. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937—1941 : биограф. слов. М. : Кучково поле : Мегapolis, 2012.
11. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937—1941: комбриги и им равные. М. : Кучково поле : Икс-Хистори, 2014.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2015 г.